

ПРОЕКТНАЯ КУЛЬТУРА: ПУТЬ К БЛАГИМ ИЗМЕНЕНИЯМ.

Философско-культурологическое осмысление

*«Мы сами должны стать изменениями,
которые хотим увидеть в мире».*

Махатма Ганди

Современная культура переживает беспрецедентную трансформацию своих основ, поскольку культурогенез оказался в спорадическом движении, с возрастающей тревогой обнаружилось, что «защитные механизмы, выработанные в прошлом, – порядок, который приносили в мир религия, патриотизм, народные традиции и общественные нормы, – оказываются неэффективными для всё большего количества людей, чувствующих себя брошенными в водоворот хаоса» [1, с. 14].

Так что пришлось констатировать, что она столкнулась с неведомой ранее силой, «которая глубоко вошла в нашу личную жизнь, заставила нас играть новые роли и поставила перед лицом новой опасной психологической болезни», названной «футурошоком». Он представляет собой ошеломляющую растерянность, вызванную преждевременным наступлением будущего. Вполне возможно – это самая важная болезнь завтрашнего дня [2, с. 12]. Болезни, которая уже сегодня усугубляется непредсказуемыми инверсиями, преподанными неудержимой глобализацией и гегемонией массовой культуры, в результате которых размылись бывшие гуманитарные ориентиры, девальвировались многие ценности, перекодировалась традиционной семантико-символическая система.

Чтобы эта болезнь не оказалась смертельной, культура ответила на этот вызов своей новой самозащитой реакцией перед футурофобией.

Отсюда проектная парадигма, подвигающая все новые и новые концепции, технологии, методы и средства, – вся социокультурная инфраструктура, направленная на обеспечение защиты, сохранения и развитие культурного достояния. В целокупности этот феномен может быть поименован проектной культурой.

Культура как трансисторический процесс-континуум лишь опирается на свои достояния, традиции, ценности. Ведь истое ее предназначение – оптимальное, благое будущее человека, своего творца-носителя-творения, которое начинается в глубинах тотальной мотивации не просто выжить, жить лучше. Эта интенция латентно или достаточно выразительно преисполняет любую нашу мысль-деятельность. При этом синкретически сочетая теорию-практику, замысел-артефакт.

Так, модель существования вышла из пассивного ожидания, упование на «милость от природы», на неведомый, трепетный, но, как всякий раз подтверждалось, плодотворный простор активного творчества, где только и появляется человечность – в перманентном акте оценки, выбора и готовности взять на себя осознанную ответственность за принятое решение. Так собственно и зачинался планетарный феномен человека-культуры, который перманентно ориентирован, говоря будничным языком, на лучшее, счастливое будущее. На гармонию человека-в-мире, которая в историческом контексте непрестанно подвергается нарушению.

Так что проектирование в философско-культурологическом понимании имеет глубинные отологические и феноменологические корни. И выражает принципиальную особенность гомо сапиенса – устремление заглянуть за горизонт здесь-и-сейчас бытия и таким образом мысленно пробросить свое существование в гипотетическое там-и-потом с надеждой заблаговременно адаптироваться к нему, приспособиться к его новой реальности.

Иначе говоря, хоть как-то уподобиться богам-творцам, демиургам, реализующих некий проект-промысел. Не случайно их мифологемы искони определяют все религиозные концепты.

Нынешняя актуализация проектной деятельности – значительный аргумент «ремифологизации» современного мира, обусловленной социальной дифференциацией, напряженностью, нестабильностью, конфликтностью, деструкцией – всем, что и ассоциируется с хаосом. В этой связи, проект обретает значение самобытного космогонического ритуала и становится стратегическая творческая акция, обладающая сакральностью в силу своей футуроориентации, то есть на отыскание и продвижение благих изменений.

Для улучшения качества жизни существует две основные стратегии. Первая заключается в том, чтобы попытаться подстроить внешние условия

под наши цели. Вторая предполагает изменение восприятия нами внешних условий так, чтобы они лучше соответствовали нашим целям [1].

Эта инновационная априорность отмечена в самом понимании проекта (от лат. *projectus* – брошенный, выдающийся вперед). В любой сфере современной деятельности, включая менеджмент, проектирование – творческое усилие, направленное на получение нового, экстраординарного духовно-материального результата в виде технологии, модели, произведения-продукта, услуги.

Поскольку с синергетической точки зрения проект амбивалентен, сочетая в себе как бытие наличности, так и становление-развитие, единения существующего – осуществляемого, диалектику факта и тенденции, знания и предположения, обладания и мечты.

Проект – заинтересованное вопрошание к себе, при котором уже не суть важно «кто виноват?», но принципиально «что делать?», а также «как делать?», но главное, «зачем и во имя чего?». И вопрошание это актуализируется вместе с обострением чувства-понимания: «так дальше жить нельзя».

Здесь и начинается откровенный диалог с будущим, провоцирующий всевозможные культурные изменения, смягчающий, а то и устраняющий футурофобию, настраивающий на решительность, вздорную любопытством и желанием перемен с реальной ответственностью за последствия. Отсюда проект – специфическая форма подвига, на который осознанно пошла еще ветхозаветная первопара людей.

Проект как креативное движение движением мысли, чувств, устремлений, приносит удовлетворение уже сам по себе вне зависимости от результатов. Более того, такой поток – источник счастья, что сродни вдохновению. Ибо, согласно теории потока, люди наиболее счастливы, если пребывают в особом потоковом состоянии – напоминающем Дзэн, в состоянии полного единения с деятельностью и ситуацией. В свою очередь требует самосовершенствования, которое воспринимается также жизнеутверждающим потоком.

Он же предстает оптимальным состоянием внутреннего побуждения, при которой человек полностью включён в то, что он делает, а внимание, мотивация и ситуация соединяются, вызывая нечто вроде продуктивной гармонии или обратной связи. При этом испытывается свобода творческого раскрепощения [1].

Такое толкование проекта адекватно восточному Дао, пути, но особому, чувственному и безначально-конечному. Для западной культуры с ее рациональной, конкретизированной причинно-следственными связями картиной мира, более уместна иная гносеологическая метафора. Также путь, но имеющий выразительные, доступные позитивному изучению пространственно-временные атрибуты: Исходный место-пункт, Цель, Направление, Пункт-место назначения. Другими словами, есть то, что имеет место быть, и есть намерение-повод для иного, того, что должно найти место быть. Это темпоральная дистанция между двумя этими состояниями – есть время реализации-прохождения проекта-пути во имя достижения намеченной цели.

Исходный пункт (проблемная ситуация). Проект – явление не стохастическое, не случайное, но обусловленное и мотивированное. Его родительское лоно – реальная или надуманная проблема, возникающая в системе осознанных противоречий и несоответствий реального и желаемого, сущего и должного, наличного и перспективного.

Здесь обозначается проблемная (предпроектная) ситуация – совокупность реальных условий и обстоятельств, внутренних и внешних факторов жизнедеятельности и культуротворчества личности, социальной группы, общности, которые подвигают и мотивируют проектные преобразования. А также всевозможные, «жизненные» трудности-препятствия и вспоможения-благоприятности.

Данная ситуация (наличное состояние, реальность) и есть исходный, отправной пункт проекта-пути. Она, как правило, не имеет однозначного истолкования и оценки по субъективным и объективным причинам, что вызывает необходимость ее превентивного анализа-мониторинга. Естественно, что его сложность зависит от масштаба разрешаемых проблем, их уровня (личностного, группового, корпоративного, субкультурного, этнокультурного, национального, общечеловеческого).

Исходная ситуация обозначается как проблемная, конфликтная. При этом конфликт выступает как подвигающий преобразования импульс. «Возможно, что самая сложная проблема имеет место тогда, когда нет видимой проблемы. Если какой-то процесс происходит гладко и без конфликтов, его дальнейшее развитие становится невозможным, так как нет проблемы, которую можно было бы использовать в качестве ступеньки для усовершенствования. Любое начинание, не имеющее никаких проблем, обречено на прозябание, ибо проблемы – это толчки, выбивающие вещи из проторенной колеи их простой адекватности» [3.с. 56–57].

Иntenция на разрешение проблемы и есть творческая цель всякого проекта, ибо она уже содержит путь как свою «исходную точку и ультимативный конец» (З. Фрейд).

Цель. Бессмысленность или бесцельность происходящего вызывает психическую энтропию, потому что человек призван и способен усматривать вероятные цели на своем житнетворческом пути. «Это становится возможным за счёт способности одновременно удерживать в уме более одной цели и осознавать несколько противоречащих друг другу желаний. Человеческий разум сознаёт не только актуальное положение вещей, но и потенциально возможное [1].

Цель есть пред-назначение проекта, или пред-положение результатов творческих устремлений в качестве еще только будущей реальности, благодаря чему она предвосхищается, просчитывается, моделируется, исходя из понимания сути культуры, переживания проблемной социокультурной ситуации, представлений о достойном и должном.

Осмысленность, или целенаправленность проекта обретает форму идеи, или концепции, как единого, определяющего замысла, ведущая мысли с ориентацией на утверждение или отвержение проектом неких социокультурных ценностей и реалий [5].

Если цель проекта, его идея-концепт превосходят интересы одного человека и включается в общекультурный контекст сообщества, она неминуемо подвергается общественной верификации. Поскольку люди, для того чтобы решить, чему верить и как действовать в данной ситуации, ориентируются на то, чему верят и что делают в аналогичной ситуации другие, что провоцируется естественными сомнениями неуверенностью. Так что достаточно широкое обсуждение цели социально значимого проекта является наиболее действенным принципом его продвижения.

В то же время некритическое отношение к концепции в ее реализации может превратиться в социальное и культурное насилие, порождающее негативную ответную реакцию. Следовательно, институт общественного обсуждения проектов является формой ограничения проектирования извне [6]. Здесь в полной мере проявляется проблема инновационного конфликта между консерваторами и инноваторами, осуществляется полемика относительности целесообразности проекта, реальности его воплощения или, напротив, прожектерства, утопичности. В любом случае, проектная цель не существует сама по себе, подобно путеводной звезде. Она всегда сокрыта за дымкой возможностей, случайностей, путевых альтернатив-направлений ее достижения.

Направление. К намеченной цели априори ведет множество путей как потенциальных возможностей. Тем не менее, феноменально человек чувствует и понимает, что ему суждено и предстоит выбор лишь единственного и посему должно быть оптимального, наилучшего, «прямого пути» в качестве необходимого мировоззренческого подхода, теоретического метода (греч. *methodos* – путь вслед за чем-нибудь), выбираемого вслед нашим гипотетическим устремлениям, как последствие неудовлетворенностью существующим.

Если цель – «индикатор направленности» (З. Фрейд), тогда направленность – свидетельство цели, которое осуществляется по различным принципам и служит алгоритмической парадигмой преобразований.

Принцип презумпции альтернативы. Предварительные поиски альтернативных подходов к разрешению проблемной ситуации, реализации проектной концепции — процесс вполне естественный, подкрепленный народной мудростью: семь раз отмерь...

Казалось бы, столбовая дорога шаблонного мышления ведет прямо к решению проблемы. Однако возможно, что наиболее эффективное решение требует перемещения как раз в противоположном направлении [3, с. 43]. При этом особое внимание может уделяться как определению положительных, так и отрицательных, как внутренних (личностных, корпоративных), так и внешних (государственных, общекультурных) факторов.

Любое решение принимается с какой-то степенью неопределенности. Уверенность в правильности принятого решения зависит не от отсутствия альтернативных решений (последнее скорее только служит доказательством недостатка воображения), а от способности увидеть множество альтернатив, для опровержения которых имеются достаточные основания.

Изначальное богатство альтернативных мнений и гипотез по мере развития проекта консолидируется в наиболее приемлемую, оптимальную, «простую» версию. Это диалектически следует из общей установки человеческого творчества и его обогащающему мир противостоянию энтропии. «Все следует делать настолько простым, насколько это возможно, но не проще» (Альберт Эйнштейн).

Принцип подвижных границ. При разрешении какой-либо проблемы исходно устанавливаются границы преобразующего воздействия, подобно бордюру на автомагистралях. Это могут быть как объективные, формальные (законодательство, экономика), так и субъективные, неформальные (мировоззрение, этические и эстетические приоритеты и предпочтения).

Нередко, однако, границы оказываются мнимыми, а оптимальное решение находится за их пределами, на «обочине» магистрального маршрута, табуированных ограничений. В первую очередь это относится к социокультурным проектам, где границы-пределы виртуальны, по крайней мере, и менее ясны, чем границы вещи, предмета, порождаемые архитектурой, дизайном.

Принцип сбалансированной среды. Социокультурный проект – экзистенциальный, в наименьшей мере отчужден от человека. В этом случае субъект и объект проектирования совпадают и разделяются только рефлексией. [6]. И так вписывается в актуальную парадигму средового видения, где феномен человеческого бытия и творчества обладающий сложной пространственно-временной корреляцией. В ней «здесь-и-теперь» вбирает культурные проявления иных территорий и времен, которое предстает на уровне и современности (синхронности), и историчности (диахронности) событий.

В этой связи проектом предполагается поддержание баланса изменений и сохранности, новаторства и консерватизма, с перманентным усмотрением «критического порога модификации».

Отсюда в самом широком понимании проект сводится не к жесткому управлению культурными процессами и снятию проблемной ситуации, но к поддержке и развитию социально-культурной среды, отчего она собственно и становится самоорганизующейся.

Принцип оправданного риска. Всякий проект априори рисковый. Однако в отличие от проектов в материально-технической сфере (промышленности, торговле, строительстве и т.д.) риски социокультурных проектов, по определению, не сводятся к возможной неоправданной потере, ущербы, убыткам материально-финансовых ресурсов. Принципиально на передний план выдвигаются риски не достичь желаемого образовательно-воспитательного, художественно-эстетического, морально-этического эффекта. Поэтому оценка таких рисков не допускает догмат формально-количественных (чаще всего в финансовых показателях) критериев проекта.

В любом случае требуется своевременная идентификация рисков, способных повлиять на результативность проект. Или качественная, содержательная оценка рисков и условий их возникновения с целью определения их влияния на окончательный успех, социокультурную рентабельность. Отсюда определяется допустимость рисков, их оправданность. Она зависит от инновационной важности, масштабности и радикальности проекта, а также от «человеческого фактора», поскольку проектировщик рискует потерять свой творческий авторитет и статус успешного и перспективного.

Натура инноватора не останавливает перед риском, находит рациональные и иррациональные оправдание идти на него. Сомнения, повышенная ответственность предостерегает от авантюры. Здесь на помощь привлекается экспериментальные (пилотные) проекты, основанные на осторожной постепенности, осмотрительной последовательности.

Принцип осмотрительной последовательности. Невозможно, как утверждал Платон, чтобы две вещи (в нашем случае – начало и конец проекта-пути) совершенным образом соединялись без третьей, то есть без некоей промежуточной позиции, или ситуации. Потребность в таких промежуточных ситуациях, сравнима с полустанками на дальней дороге. Необходимость в них обостряется, когда сложность маршрута превышает возможность узреть конечную цель. Тогда квазиостановки на пути одаривают возможностью оглянуться и еще раз удостовериться в верности выбранного направления, а также перманентной корректировки, чтобы не заблудиться в непредвиденных обстоятельствах. Так мы преисполняемся убежденностью в правоте начинания и решимостью продолжать проект. На этом же принципе зиждется планирование, предусматривающее разбивку всего пути к цели на отдельные этапы, которые сменяют друг друга после рефлексии пройденного.

Стремление к последовательности подкрепляется логикой причинно-следственных связей и потому является мощным мотиватором, поскольку последовательность ассоциируется со способностью продуктивного мышления к достижению намеченной цели. А в социальных взаимоотношениях – с интеллектуальностью, логикой, рациональностью, стабильностью и честностью. «Нам станет легче идти по жизни, если наш подход ко многим вещам будет хорошенько «зашнурован» последовательностью» [4, с. 56]. Однако и закрепощенность в стенах неукоснительной последовательности становится препятствие для прорывной идеи «резкого скачка», ибо догматичное упование на «схему» делает невосприимчивым твор-

ческое наитие, провидения, и даже здравомыслие, загипнотизированное догматом любой, пусть даже и абсурдной последовательности.

Принцип бесприигрышной игры. Креативное достоинство игры – в высвобождении от догматов планов и целей, что позволяет непреложности и случайности столкнуться, обнаружить в реальности не сталкиваемое и не заметное.

Во время игры идеи возникают сами собой и, возникнув, порождают новые. ***Идеи не следуют одна за другой в логической последовательности, однако если разум не предпринимает никаких попыток управлять ими и в то же время достаточно любопытен, чтобы следовать за ними, то идей будет более чем достаточно.*** При этом полезность идеи может проявиться не сразу, она, что говорить, должна созреть, проиграв возможные и «невозможные» варианты.

Даже если никакой конкретной идеи в голову не приходит, тем не менее общее знакомство с ситуацией, возникающей в процессе игры, может оказаться весьма ценной предпосылкой для дальнейшего развития проекта.

Завершение проекта-пути. В абстрагированном ключе это окончательное претворение концепции проекта, финишная черта на отдельном конкретном пути с вполне описываемыми результатами. В культурологическом же плане это «ультимативный конец», который имманентно содержит в себе и творческие проекции на будущее, ибо человеку «всегда по-хорошему мало». В метаисторическом контексте, творческом континууме всякий проект – лишь «шаг новизны», которому уже предшествовали и будут последствовать иные шаги. «Нет ничего более жуткого, чем бесконечность» (Ф. Ницше). Поэтому нескончаемая творческая поступь, проектный континуум призван совпадать с этой жуткостью, преисполняя весь культурогенез самоценным смыслом, а непосредственно проект собственной культурой.

Проектная культура – не фрагмент, не часть культуры в целом, но ее интенциональное существо, исходящее из самого творческого существа человека. Поэтому фундаментальным (стратегическим) принципом и критерием проектной культуры (в отличие от операционно-тактических – политических, материально-финансовых, организационных,

экологических и т.д.) должна быть признана мотивация проекта. А она у человека одна, едина, всеобща, универсальна – быть счастливым.

Посему проект не просто намерение и его претворение, но проявление духовности, проискавающей и торящей пути (методы, способы) жить в гармонии с самим собой и с миром, постоянно изменяющимся под нашим же проектным усилием.

Погружаясь в проект, как в поток, человек испытывает радость увлечения естественным током жизни, своих чувств, переживаний, мыслей, устремлений. Он упивается «аутотелическим переживанием» (М. Чиксентмихайи) – самодостаточным творчеством как деятельностью, которая совершается не ради будущего вознаграждения, а ради неё самой.

Так и «выходя» на проект, как на заведомо увлекательный, всецело непредсказуемый, загадочный «большак», о котором уже загодя можно с надеждой, креативной экзальтацией, предвосхищающим восторгом казать: «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога!» (Н. Гоголь).

Проект – вовлекает в неформальный космогонический ритуал, искони служащий установлению-поддержанию должного порядка-гармонии как во внутреннем мире личности, так и в социуме. Так проект-путь, позволяющий выйти на еще небывалое, доселе потаенное, сакрализуется на бессознательно-архетипическом уровне, где всякий выбор обретает статус победы над инертностью духа и слабоумием. И одаривает аттрактивным чувством удовлетворения и гордости от нахождения выхода из проблемного лабиринта. И доказать, что благими намерениями достигнуты столь же благодатные результаты. При этом всевозможные принципы направленности на достижения цели принимаются как феномен синкретический и синергетический.

Это невольно преисполняет возвышенным чувством первопроходца, первооткрывателя, демиурга-лидера способного увлечь и повести за собой, развеивая сомнения, привлечение попутчиков, обретая единомышленников и поклонников проекта, преодолевающих в результате «страх истории». То есть нести тяжелый благородный, правда, отнюдь не всегда

благодарный крест на вершину совершенствования. Дабы вопреки препятствующим обстоятельствам пройти творческую инициацию и стать истым проектировщиком, тем, «кто вне зависимости от своего материального положения смог улучшить качество своей жизни, обрести удовлетворение, а также сделать немного счастливее тех, кто их окружает. Пожалуй, главная их сила заключается в том, что они способны *управлять собственной жизнью*» [1, с. 13].

В силу этого проектная культура – это и культура непосредственно проектанта, непременно вбирающая помимо сугубо профессиональных качеств, компетенции еще и качества ответственного творца и гражданина с достойной созидательной мотивацией, гуманистической парадигмой, жизнеутверждающим целеполаганием.

Это метафизический проект самопознания и самоутверждения, который, по сути, подчиняется континууму-концепту и свободолобивого потока, и сосредоточенного пути жизни, преисполненного неудержимым обилием духовных пертурбаций и проникновенностью актуальными обстоятельствами. И только он открывает плодотворный доступ в конструкционные запасники проектной культуры – подбору технологий менеджмента и оценки последствий проекта, оптимальному распределению наличных и изысканию всевозможных дополнительных ресурсов...

«Имейте цель, а средства найдутся» (Махатма Ганди).

Список использованных источников:

1. Чиксентмихайи, М Поток: психология оптимального переживания / М. Чиксентмихайи. – М. : Альпина Нон-фикшн, 2013 г. – 464 с.
2. Тоффлер, А Футурошок / А. Тоффлер. – С.Пб. : Лань, 1997. – 464 с.
3. де Боно Э. Рождение новой идеи / Э. де Боно. – М. : Прогресс, 1976. – 144 с.
4. Чалдини, Р. Психология влияния. Убеждай, воздействуй, защищайся / Р. Чалдини. – СПб. : Питер, 2010. – 336 с.
5. Генисаретский, О.И. Проектная культура и концептуализм / О.И. Генисаретский // Труды ВНИИТЭ. Техническая эстетика / Всесоз. НИИ техн. эстетики. – М., 1987. – Вып. 52 : Социально-культурные проблемы образа жизни и предметной среды.
6. Рапппорт, А.Г. Границы проектирования / А.Г. Рапппорт // Вопросы методологии. – 1997. – № 1. – С. 19-38.